

На вощеном полу казармы возле коптерки выстроилась очередь новобранцев. Шла раздача мундиров. Коптёрщиком был кичливый таджик с чёрной щёткой усов под узким, горбатым шнобелем.

«Сейчас объегорит. - подумал Иван, когда подошла его очередь. - Выдаст какие-нибудь обноски после дембеля. Ходи потом два года, как обдристанный»;

Он заискивающе и кисло улыбнулся коптёрщику. Тот, осклабясь, поскрёб под носом, потом по сусекам и выдал, аккуратно сложенную в стопку, форму, - на удивление новую, сохранившую кантики фабричной глажки. Сгладило несчастье еще и то, что мундир хорошо сидел на Иване. Он сел на прикроватный стульчик и стал приторачивать погоны.

Вечером того же дня «щеглам» роздали письма. Иван получил целую стопку.

Мама, папа и все родственники искренне соболезновали ему и выражали надежду, что он, выполнив долг, вернется.

Одно письмо вызвало оторопь. Это была открытка от недавно умершей бабушки. Округлые, убористые буковки поздравляли его с началом службы в рядах Вооруженных Сил ККР. С ёкающим сердцем Иван еще раз перечитал письмо: «... будь честным, храбрым, слушайся командиров...» Да, такой же почерк был у нее и при жизни. «А вдруг это?! - сердце Ивана бухнуло. - Письмо с того света? ... Нет...» - Ваня не верил в загробные сказки. Но у кого тогда рука повернулась так его надурить? бывший друг Гоша? «Рота, стройся! Становись, кому сказал!» - истошно завопил, идя по проходу, старший сержант. Иван затесался во вторую шеренгу. Деды приняли его молча. Остальных новичков раздражённо выпнули в первую. Иван уже свыкся с мыслью, что русые кудри и обаятельная аура обрекут его быть любимцем роты. И пока шла читка фамилий, он успел освоиться во втором ряду и стал крутить головой по сторонам.

Позади роты, в тёмном пространстве кроватного отсека готовились к отправке домой четыре дембеля. Трое подшивали новые шинели, а четвёртый с занесенной иглой застыл над погоном и толи заснул, толи силился что-то забыть или вспомнить. Все они были странно худы и одеты ни леном весь как - в сальные полинявшие гимнастерки. Ближний к застывшему то и дело толкал его в бок, подначивая продолжить шитье, но тот все более обмякал и горбатился, пока из слабых рук не выпала шинель. Солдат завалился на кровать и, скорчившись, сдержанно застонал в подушку. Его друг, со смущенной оглядкой на роту, преданно склонился к нему и что-то зашептал ему на ухо, видимо, успокаивая. Рыдания усилились. Дрожало и билось все тело. Дойдя до крайних содроганий, оно напружинилось, опало, из-под подушки вышло скуление, и всхлипы затихли. Ваня с недоумением отвернулся: и это дембель?

В конце коридора, облокотившись о тумбу дежурного, стоял, завёрнутый в длинную дымчатую шинель с полковничьими погонами, старик. В складках его сухого лица сидели хитрые (то притворно-сонливые, то прицельно снующие по солдатам) глаза. Когда сержант закончил проверку и с ладонью у виска подошёл к нему, старик снял фуражку, огладил седые редкие волосы:

- Все?

- Так точно, товарищ полковник.

- Отправляй.

«Рота! - заорал сержант. - Нале-е-е-во! Бегом марш! Стройся у казармы в колонну по четыре»;

Они выбежали из казармы. Вокруг, куда не кинь глаз, простиралась степь. Над ней нависало низкое свинцовое небо. Невдалеке уныло зияли чёрными окнами три серых нескладных строения: столовая, пищеблок и штаб. Ветер катал по плацу перекасти-поле.

Струдившись в колонну по четыре, рота в ногу пошла в столовую. Оставив мотать перекасти-поле, ветер налетел на колонну.

Ивана пронизали холод и чувство оторванности от дома, от всего холеного, сытого; и нахлынула тоска по утраченному уюту; и пришла обреченность: вот так, два года, изо дня в день, они будут маршировать под дождем и снегом в столовку, потом в цех, потом в казарму... А когда в лицо назойливо полетела снежная пороша, чувства эти стали настолько велики, что Ваня захотел умереть, лишь бы не видеть эти чугунные солдатские ряхи, не слышать свирепые окрики сержанта, не ежиться от порывов промозглого ветра, не вздрагивать от пинков идущего за ним деда... Просто лечь на плац ниц и не вставать, пусть они идут себе дальше в столовку жрать какую-нибудь говеную солдатскую кашу дробь-шестнадцать.

Но кашей в столовой не пахло. На длинных столах стояли миски с кусками парного вареного мяса. Возле каждой - галета и палка салями. Ни вилок, ни ложек.

Сглотнув чувство обреченности, Иван набросился на еду. Ел торопливо и жадно, руками таская из миски кусочки. Глотал, обжигаясь, почти не жуя, но, когда прогремела команда сержанта «Кончай жрать! Выходи строиться!» все равно не успел - оставалось салями. Воровато сунув ее за пазуху, Иван по-утиному валко засеменил к выходу. В сумерках рота построилась и побрела заступать на ночное дежурство в цех мясопереработки.

Он возник перед ними из полумрака белой прямоугольной глыбой. На круглом плафоне, освещавшем крыльцо, коричневела надпись «ПИЩЕБЛОК»;

Они опустились по узкой стертой лестнице и оказались в огромном бункере, таком огромном, что двери на дальней, граничащей с цехом, стене, казались квадратными точками. Их было две. Новобранцы пристроились к правой, растянувшись вдоль стены кривой колонной. Старослужащие скрылись за дверью.

Некоторое время ничего не происходило, затем дверь отворилась. В нее быстро вошел солдат. За стеной раздалось урчание и лязганье каких-то машин.

Ваня досадливо сплюнул: «Вот же черт! Его угораздило оказаться почти в самом конце очереди. Все теплые и престижные рабочие места будут расхватаны до него». Иван завистливо укусил взглядом далекие стриженные затылки: «Ну ничего, он им еще припомнит!»

В час по рядовому очередь медленно двигалась.

Иван устал считать электрические лампы под сводом и оперся плечом о навесной деревянный ящик, в котором на фоне бардового бархата стояли наградные кубки. После переживаний и пережеванного его клонило в сон. Но топот на лестнице вырвал из дремы. В бункер вбежала рота девиц-новобранок. Ведомые бабой-сержантом, они пристроились к левой двери.

«Девчонки? ... В армии? ...» - окончательно обалдел Ваня.

За юницами вошел полковник. Тот самый старик из казармы. Распахнув полы сизой шинели, он напыщенно произнес: «Товарищи солдаты! Время пришло, чтобы вы послужили

Родине! Отдали ей свои души и свои тела до последней клетки крови. Все знают, в каком положении находится наше общество, а кто не знает, тот обязан знать. Положение серьезное, очень серьезное! Мы стоим у последней черты. И я надеюсь, многие, если ни все, меня поймут. Разные супостаты поднимают свои бедовые головы. Через своих шестерок они пробуждают в народе инстинкты торгашества и рвачества. И рвотные массы капитализма грозят подмыть кое-где партийную дамбу нашего общества. Как грибы, тут и там возникают пророки. Они предвещают конец всего, что создано нашими предками. В такой обстановке отчизна командует - надо. И кто, как не мы должны отчеканить ей - есть?

Армия должна поставить заслон пророкам и порокам. Да - Армия - это отлаженный механизм, в котором важен болт каждого рядового, шуруп каждого ефрейтора, шестеренка каждого генерала. Но этому механизму нужен белок, чтобы оно все работало. Что солдат лопаает, так он и ходит... Армия не должна поститься. В том, что солдат ест - залог здорового биоценоза нашей Родины, оплот ее обороноспособности. А солдат ел, ест и будет есть!

Товарищи новобранцы! Вам выпала честь служить в батальоне стратегического назначения. Ибо питание - есть стратегия и цель нашего воинства. Порой кажется, что служить в общепите - такая рутина! Но и здесь есть место подвигу. Нужно только настроиться, понять, что вы - не парнокопытный скот, что вы - воспаленные патриотизмом сердца отечества!

..."

Полковник понес ахинею дальше, все более распаляясь. Иван рефлекторно выключил слух и от нечего делать стал разглядывать кубки - чугунные статуэтки солдата и медработницы, замахнувшись бросить одну совместную гранату. На бронзовых шильдиках было написано: рядовому Монрюхину Н. А. лучшему подавальщику, рядовому Сутулину О. Л. лучшему волочильщику, сержанту Дробинскому В. В. лучшему мясорубщику, ефрейтору Гнедыш З. Г. за проявленный гедонизм, рядовому Баклашину О. Я. пердовику производства.

Иван улыбнулся, наверно, нарочным ошибкам гравера.

Он дошел до места, где очередь изгибалась под тупым углом. Отсюда, когда дверь отворялась для впуска очередного солдата, был виден, облицованный кафелем, тамбур, - скорее всего, раздевалка перед входом в цех... И точно! Вскоре Иван разобрал над грудой мундиров в углу, выжженную на доске, надпись "Оставь одежду всяк сюда входящий".